

ЗАТЕРЯВШИЕСЯ ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО

Об этих напечатанных письмах ни одной из работ о жизни и творчестве М. Горького не говорится ни слова. Не находим никаких указаний на них и в библиографии, составленной С. Брейтбургом и напечатанной в урн. «Литература и искусство»—1931 г. № 4. А эти писем целых 70. Они напечатаны в 1896 г. в «Одесских новостях» и касаются всероссийской выставки, ярмарки, нижегородской жизни, торгово-промышленного съезда, положения провинциальной печати и ряда вопросов, относящихся к живописи, литературе, сцене, кино и т. д. Это очень богатый и большой ценный материал не только для знакомства с куском жизни, как выставочный 1896 год, но еще в большой степени раскрывающий перед читателями личность великого пролетарского писателя А. М. Горького, по-новому освещающий этот период его жизни. Корреспонденции «С всероссийской выставки» печатались за подписью П.—ов. (т. е. Алексей Пешков), начиная с № 3643 от 28 мая и кончая № 3738 от 5 сентября. В течение трех месяцев было напечатано 70 корреспонденций, статей, в среднем от 250 до 400-строк каждая. А по постановке вопросов, по остроте затронутых тем, по широте захвата, по идеологической их направленности и художественности их оформлению—это блестящие страницы корреспондента Алексея Пешкова! Они займут в нашей библиографической литературе место, равное с письмами Герцена, с письмами Гейне!

Естественно возникает вопрос, почему М. Горький становится корреспондентом «Одесских новостей»? Ответ—история такова. До мая ме-

сяца 1896 года А. М. Горький жил в Самаре (конец 1894—1895 г.) и сотрудничал в «Самарской газете», где помещал свои рассказы, очерки за подписью М. Горький и чуть ли не ежедневные фельетоны—«Маленький фельетон», «Между прочим». Ближайшими сотрудниками по «Самарской газете» были А. П. Ашешов, Е. М. Ещин, С. С. Гусев (Сергей-Глаголь), Е. Чириков. Первые двое в 1895 году переехали в Нижний-Новгород, за ними—15 мая 1896 г. переправился в родной город и М. Горький. Сергей-Глаголь переехал в Одессу и принял участие в «Одесских новостях».

Знакомство с Сергеем-Глаголем дает Алексею Максимовичу возможность стать корреспондентом «Одесских новостей». И вот с мая месяца А. М. Горький становится одним из активных сотрудников «Нижегородского листка» и в то же время «Одесских новостей».

Нужно только удивляться исключительной работоспособности, которую проявил Алексей Максимович за этот выставочный год, особенно за первые три месяца пребывания в Нижнем-Новгороде (конец мая—сентябрь). Ведь, кроме 70 писем-корреспонденций «С всероссийской выставки», А. М. Горький поместил приблизительно столько же (до 60) статей, фельетонов, очерков, сцен, рассказов в «Ниж. листке». Работоспособность тем более поразительная, что, кроме самого процесса письма, нужно было каждый день быть на выставке, ходить, изучать ее многочисленные экспонаты, прочитывать всевозможные отчеты, доклады, присутствовать на всевозможных заседаниях, съездах, лекциях, а затем весь этот материал

обрабатывать и каждый день давать свежий, интересный, содержательный материал в виде ли письма корреспондента «Одесских новостей» или очередного фельетона «Беглых заметок», или очерка, рассказа в «Ниж. листке». Ведь, наряду с набросками, как «Отомстил», «Артист», «Вор», «Трубочист» и т. д.—за это время был помещен и такой рассказ, как «Хан и его сын», вошедший в полное собрание произведений М. Горького.

Каково же идейное содержание писем и какова их ценность? В данной статье остановимся только на общей целенаправленности писем М. Горького, так как более всестороннее рассмотрение их явится предметом особой работы.

В своей статье «Беседа о ремесле», говоря о работе над «Фомой Гордеевым», М. Горький указывает, что «больше всего знаний о хозяевах жизни» дал ему 96-й—выставочный год. «Для меня,—говорит М. Горький,—интереснее и поучительнее было ходить по выставке вслед за мелким провинциальным промышленником и торгашом. Этот сорт людей явился на выставку в массе!». Каково же отношение М. Горького в этих письмах к хозяевам жизни? Сущность его идеологической установки хорошо им выражена в той же статье «Беседа о ремесле», где он говорит, что «мораль господ» была мне тогда так же враждебна, как и «мораль рабов», у меня слагалась третья мораль «восстающего поддери».

Письма «Со всероссийской выставки» проникнуты именно «поддержкой восстающих». Уже в первом своем письме от 20 мая А. М. Горький сразу же вскрывает фальшь и противоречия тогдашней жизни, хозяевами которой являлись промышленники и куп-

цы. «Я приехал в Нижний 15-го, и на меня, нижегородца, знающего город, как свои пять пальцев, он произвел странное впечатление чистотой, которая еще год тому назад совершенно не была ему свойственна, новыми зданиями, скверами. Приятно было видеть все это внешнее благообразие, но скоро за ним почувствовалась фальшь глубокая, внутренняя ложь: грязь, гниль и сор, накопленный десятками лет, не уничтожен в течение одного года, и не только окраины города остаются в первобытном, чумазом виде, но и многие из бойких улиц центра...»

С особой силой и сарказмом обрушивается А. М. Горький на нижегородскую газету «Волгарь», являющуюся выразителем дум и психологии купечества. В этом отношении письмо М. Горького от 8 июля посвящено как раз вскрытию взглядов передовицы «Волгаря», которая выступила с обоснованием прав и вождений купечества, что «оно все может». А. М. Горький отмечает, что эта статья «Волгаря» «есть знамение времени и она, говорю я, крайне характерна, как апофеоз купечества»: «Разумеете языцы и покоряйтесь купону, ибо се он грядет и, все сокрушая на пути своем, разухабисто орет: «Гряду! Держи

в сторону, раздавлю!» В самом деле— он грядет. У него есть все, что нужно для победы—деньги, пробуждающая сила самосознания, животная энергия. У него нет пока еще ума, но он купит себе ум. Он все может... купить, если ему все станут продавать».

В письме от 22 июня автор приходит к итогу, что выставка поучительна гораздо более как правдивый показатель несовершенств человеческой жизни, чем как картина успехов промышленной техники страны. М. Горького, как обозревателя выставки, поражает полное отсутствие показа, как при каких условиях создаются эти несметные богатства. Ходя по промыш-

ленному, мануфактурному, горному и другому отделам, автор не находит главного—картины производства, а также жизни и быта тех рабочих, которые создают эти чудеса техники и металла.

Другим знаменем времени являлось для Горького то обстоятельство, что всюду при осмотре экспонатов промышленности приходится слушать от объясняющих или читать в отчетах предприятий о том, что сделано для рабочих и как им у них живется хорошо. Описывая фабрично-заводский отдел (№ 3690) от 9 июля, за несколько дней до знаменитого правительственного сообщения о стачках летом 1896 г., автор «считает долгом отметить следующий факт—о рабочих обильно начинают рассказывать ранее, чем о них спросишь. Это на мой взгляд, знаменательно, и я все думаю, чем сей сон объясняется? Желанием русского человека притвориться европейцем? Некоторым духом времени, веющим со стороны немцев, завязых любителей пива? Или же боязнию, что «пропишут»? Совесть ли славянская или расчет купеческий побуждает этих людей писать и рассказывать о том, что рабочие на их заводах живут, как у Христа за пазухой, и рассказывают об этом раньше, чем спросите, как живут рабочие?».

М. Горький вскрывает лицемерие промышленников, этих «добрых» пастырей, пекущихся о своем стаде. И в ряде других писем А. М. Горький дает интересные дополнения к тем экспонатам, которые, по его мнению, не рассказывают нужной правды о жизни рабочих.

М. Горький говорит о своих впечатлениях о казанском заводе (от 9 июля № 3889)—коммерции советника Алафузова—«Я хорошо знаю этот завод. Боже мой, как странно и грустно видеть изумительное безобразие! Грязь

и ческого катарра бронхов—результат облаков пыли, до сибирской язвы—результат полного отсутствия гигиены в обработке кожи. Рабочие в чесальне все страдают трахоматозным воспалением слизистых оболочек глаз: болезнь, часто приводящая к слепоте. При заводе нет ничего того, что необходимо: ни достаточного количества воздуха в мастерских, ни больницы, но система штрафов удивительна по точности разработана».

Так вскрывает А. М. Горький изнанку праздника и торжества русской промышленности, указывая читателю те зияющие стороны, которые кричат, но о которых говорить в легальной печати было нельзя. Надо удивляться смелости А. М. Горького, который сумел в эти медовые дни промышленного праздника сказать свое страстное и горячее слово в защиту рабочего класса. Он пользуется каждым удобным случаем, чтобы вскрыть противоречия капиталистического строя и показать разницу «хозяевами жизни» и рабочими.

В письме от 22 июня (№ 3673), ценном для понимания переживаний автора в связи с выставкой, М. Горький берет тему «Развлечения» и показывает сперва культуру ярмарочного кабака, где происходит «популярная разврата и имитация искусства, если можно так выразиться». Это—внешняя культура, культура купона, культура галстука, а не настоящая демократическая культура. И как бы в контраст этой пьяной, кабацкой вакханалии, продолжающейся до 4—5 час. утра, автор рисует другую картину, уводящую в другой мир, мир трудового рабочего люда. Вот концовка этого письма:

«Свегает уж. С реки, откуда-то издадека, несетя унылая, стонущая, рыдающая хоровая песня:

Ка-а-чай, наши, качай,
Знай, по-о-качивай, качай!

береговой кессон...

Валяй, наши, валяй,
Знай, поваливай, валяй!

В этой песне, как вы видите почти нет слов, но если бы вы слышали ее унылую, за душу хватающую, монотонную, болезненную и тоскливую рыдающую мелодию! Ночь так грустна, и эта песня, гармонируя с нею, отдает в сердце странно щемящим эхом. Ее поют здесь всегда, когда качают нефть».

Если эта картинка происходила на берегу Волги, то автор зарисовывает в другом письме сценку на самой выставке. Иностранные корреспонденты заинтересовались питанием рабочих, которые достраивали еще выставку. Подошли к группе рабочих, и те угостили их русским квасом. Тогда по-пробовавший квасу Картье спрашивает у своего спутника—«И это их питание при такой работе?». Один «из седебородых и кряжеватых землекопов, заглядывая в баклагу с квасом большими, печальными глазами, говорит: «квасок у нас и тепел, и кисел, да и припахивает чем-то. Нефтой будто. А не поцало ли как нефти в бокалду?». — «Да, уж ладно, ведь весь выпили»,—замечает кто-то. На этом и заканчивается, замечает автор, французско-русский инцидент».

Ту же картину противоречий вскрывает автор и в сельском хозяйстве, между владельцами хлеба и много-миллионными едоками.

Из примеров, которые приводит Горький, видно, а их можно бы еще усилить, как подходил М. Горький уже в 1896 году к «устройству» жизни, как вскрывал противоречия капиталистического строя, как срывал маски с «хозяев» жизни голодных крестьян, трудами которых создавалась эта «всероссийская выставка».

Необходимо позаботиться об издании этих писем М. Горького.